

ОБРАЗЫ НАСИЛИЯ И «ЯЗЫК ВРАЖДЫ»

Народный эпос всех стран, в том числе и русские народные сказки, как правило, строятся на противопоставлении добра и зла, светлого и темного начал, борьбе, в которой всегда на некоторое время побеждает добро. В сказках воплощается мечта народа об идеальной жизни, о правильном соотношении хорошего и плохого: подчеркиваем – о правильном соотношении, но не о том, что зла не будет вообще! Народ мудр, он понимает, что не бывает добра без зла, не бывает света без тьмы. В предельно сжатом, образном виде эту мысль высказал Воланд в беседе с Левием Матвеем: «Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?».

Таким образом, никого не удивит, не приведет в ужас мыслью о том, что насилие как воплощение зла сопровождает человека всю жизнь; отношения насилия пронизывают общественные отношения. Об этом свидетельствуют и размышления ученых, и данные исследований, и простое наблюдение за действительностью.

Что касается причин, вызывающих насилие, то сложились три типа теорий, объясняющих истоки насилия. Первый тип объединяет те концепции, которые выводят насилие из природы человека. При этом предполагается, что существуют врожденные склонности, инстинкты (инстинкт смерти, сексуальный инстинкт), которые подталкивают человека к насилию. К этому

типу можно отнести и философские концепции, объясняющие насилие присущей человеку волей к власти, господству.

Второй тип теорий выводит применение насилия из экономических и социальных условий жизни общества. Экономическое и социальное неравенство порождает дифференциацию общества на группы, общественные классы и противоречия и борьбу между ними. Преодоление этой борьбы лежит через установление социального равенства или, во всяком случае, смягчения неравенства. Соответственно, определяются допустимые пределы разрыва в уровне жизни различных классов для обеспечения стабильности общественной жизни.

Третий тип теорий связывает насилие с динамикой конфликта. В любом обществе возникают конкурирующие группы - экономические, политические, духовные. Первоначальное состояние конкурирующих групп и личностей - это потенциальный конфликт. Он становится реальным, когда конкурентное состояние персонифицируется, когда друг другу начинают противостоять конкретные индивиды. Это именно та стадия, когда насилие становится весьма вероятным. Конфликт находит свое разрешение в победе одной из конфликтующих сторон. Утверждается новая иерархия. Наступает период адаптации к ситуации. Это период, когда формируются новые конкурирующие группы. История разрешения конфликта повторяется вновь и вновь.

Все три группы теорий исходят из того, что в основе насилия лежит действующая в настоящем времени и поэтому реально фиксируемая причина или совокупность причин. Такой подход считается продуктивным для объяснения многих феноменов насилия в жизни общества, в том числе и войн.

Явление, противоположное насилию, определяется в терминах «ненасилие», «терпимость», «толерантность», «солидарность» и др. Ненасилие исходит из убеждения в самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в

добре и зле. В основе ненасилия лежит концепция, согласно которой человеческая душа является ареной борьбы добра и зла, как писал Мартин Лютер Кинг, «даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла». Сознательно ориентируясь на добро, сторонник ненасилия, тем не менее, исходит из убеждения, что моральная амбивалентность является принципиально неустранимой основой бытия человека - он не исключает себя из того зла, против которого он ведет борьбу, и не отлучает оппонента от того добра, во имя которого эта борьба ведется. На этом построены принципы его поведения:

а) отказ от монополии на истину, готовность к изменениям, диалогу и компромиссу;

б) критика своего собственного поведения с целью выявления того, что в нем могло бы питать и провоцировать враждебную позицию оппонента;

в) анализ ситуации глазами оппонента с целью понять его и найти такой выход, который позволил бы ему сохранить лицо, выйти из конфликта с честью;

г) бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним;

д) полная открытость поведения, отсутствие в отношении оппонента какой бы то ни было лжи, скрытых намерений, тактических хитростей и т.п..

По традиции, идущей от учения Льва Толстого, ненасилие нередко трактуется как «непротивление злу». Для массового сознания обычны ассоциации ненасилия с пассивностью, покорностью, непротивлением, попустительством. В XX веке ненасилие стало известно как массовая социальная практика - как стратегия и техника социально-политической борьбы, разрешения конфликтов и посредничества, гражданского (невоенного) сопротивления агрессору. Был даже введен термин «активное ненасилие», для того чтобы отделить ненасилие от пацифизма и квиетизма. Последовательное ненасилие - активно, инициативно, целеустремленно; оно непременно противоположно насилию.

Этот прорыв в понимании ненасилия был бы исторически невозможен без того социально-исторического опыта, который был получен благодаря Мохандасу Ганди и Мартину Лютеру Кингу. Знаменательный успех воодушевленных ими движений в Индии и в США не только стимулировал развитие различных форм ненасильственной практики, но и дал толчок разнообразным теоретическим исследованиям в этой области.

Ненасилие как нормативная программа делает акцент на доброе начало в человеке, на то, чтобы усиливать его путем культивирования и сложения. Этим оно существенно отличается от насилия, как и в целом от властных отношений, которые направлены, прежде всего, на то, чтобы ограничивать, блокировать деструктивные, разрушительные проявления человеческой свободы.

История XX века показала, что среди причин насилия появились и относительно новые, связанные с воздействием на сознание и поведение людей с помощью средств массовой информации. Специалисты много спорят о роли СМИ в создании той общественной атмосферы, в которой существует терроризм. И здесь приходится констатировать, что этот общественный климат для терроризма весьма благоприятен, что также способствует его распространению. Стоит включить телевизор, неважно где - в Нью-Йорке, Сан-Паулу или Москве, - и на вас обрушиваются бесконечные боевики, звучат выстрелы, льется кровь, захватываются самолеты и заложники, крутые парни в форме насмерть сражаются с крутыми авантюристами. Уже не один десяток лет полицейский, шпион, человек из «органов» и романтический налетчик являются героями нашего времени. Эти триллеры награждаются кинопремиями. Агрессивность, насилие буквально пронизывают современный шоу-бизнес.

Проведенные в последние годы исследования, касающиеся проблем отражения насилия в средствах массовой информации, установили, что существует связь между уровнем насилия в СМИ и уровнем насилия в обществе. Так, еще в 1969 году Национальная комиссия США по

расследованию причин и предотвращению насилия сделала вывод о том, что жестокие фильмы учат людей добиваться своих целей с помощью насилия. Один из ведущих мировых исследователей агрессии Леонард Берковиц указывал, что в 1975 году, после покушения на президента Джеральда Форда, о котором было широко рассказано СМИ, число угроз, пришедших в адрес президента, выросло в три с лишним раза. Аналогичные истории происходят в тех случаях, когда СМИ сообщают о серийных убийствах. Берковиц считает, что новости о насильственных событиях и соответствующие фильмы могут разбудить жестокость в некоторых людях. В 1975 году психологи Лейенс и Камино (Бельгия) провели такой опыт: одним мальчикам-подросткам пять дней подряд показывали жестокие фильмы, другим - нейтральные. И первые стали чаще нападать друг на друга, а вторые вели себя как прежде.

К аналогичным результатам пришла в 1991 году американка Венди Вуд. «Изображение насилия в СМИ, - пишет она, - влияет на уровень агрессивности человека». Берковиц дает этому явлению такое объяснение: когда люди сталкиваются с неким стимулом или событием, им в голову приходят родственные этому событию идеи. Например, если одному испытуемому предлагают составить предложение из «агрессивных» слов («пистолет», «ударить», «напасть» и др.), а другому - из нейтральных, то первый после эксперимента продемонстрирует повышенный уровень агрессивности. Попросту говоря, он будет думать о пистолетах, ударах и нападениях. Но даже чрезвычайно агрессивный фильм не спровоцирует усиливающие агрессию мысли и моторные реакции, если насилие в нем будет подано как нечто отвратительное и осуждаемое. То же самое касается и «реальных» телепередач. Скажем, новости об убийце, казненном или приговоренном к пожизненному заключению, способны привести к кратковременному спаду уровня убийств в стране. Вероятность появления агрессивных мыслей у зрителя снижается, если тот не слишком втягивается,

говоря себе, что это «всего лишь кино». Взрослые люди могут этого достичь, а вот дети - те не понимают, что это «понарошку».

По данным Берковица, дети из неимущих семей менее склонны осознавать, что кино - это лишь вымысел, и поэтому они могут подвергаться большему воздействию телевизионной агрессии. Большинство российских детей растут в неимущих семьях... Телевизионная агрессия не только провоцирует реальную жестокость, она учит относиться к ней как к норме. Дети, посмотревшие агрессивный фильм, наблюдают за настоящей дракой более равнодушно, чем те, кто его не видел, и не пытаются вмешаться. Та же реакция была обнаружена и у студентов. «Чрезмерно частый показ насилия по телевидению, - пишут психологи Томас и Хортон, - может привести к тому, что население будет все больше привыкать к насилию». Получается, что люди смотрят жестокие фильмы, и в памяти у них откладываются соответствующие сценарии поведения. Особенно если герои добиваются своего, но не получают наказания¹.

Американский психиатр Д. Хаббарт проинтервьюировал сотни угонщиков самолетов - и почти все они говорили о воздействии на них медийной продукции. В 1979 г. демонстрация в одном из американских кинотеатров гангстерских фильмов «Ночные бульвары» и «Воины» настолько возбудила присутствующих в зале подростков, что они открыли стрельбу, убив восемь и ранив пять человек. Эти примеры можно множить. Достаточно взглянуть на нынешнюю Россию, где фанаты и бритоголовые выросли в атмосфере десятилетнего беспредела на телевизионных экранах.

Аналогична роль средств массовой информации, которые соревнуются между собой в сенсационной подаче материалов о террористических актах. Журналисты ссылаются на принцип объективности, обязанность предоставлять публике факты. Но прав американский автор Л. Мартин, что в основе лежит погоня за высоким рейтингом, что для ньюсмейкеров событие,

¹ Телевизионное насилие формирует жизненные стратегии зрителей. Источник : [http:// www. i-news. org/viewnews/religion/16658](http://www.i-news.org/viewnews/religion/16658).

связанное с терроризмом, - это новость высокого качества. В результате СМИ, сами, возможно, того не осознавая, работают на террористов, создавая им паблисити. Коммерческий успех любой ценой, этот главный внутренний импульс современной шоу- и СМИ-индустрии, приводит ее к вольной или невольной пропаганде терроризма. Иначе как объяснить появление ставшего чрезвычайно популярным в США бестселлера «Происшествие Кобра» Ричарда Престона, где в подробностях описывается биологическая атака на Нью-Йорк. Еще более поразителен пример книги «Тихая смерть» некоего американского автора Чарльза Прейслера - своего рода учебника по терроризму, где описывается, как изготовить «нервный газ», «атомную бомбу для маленького человека» или «рицин» - биохимическое вещество, в тысячи раз более токсичное, чем яды-цианиды. Когда автора спросили, зачем он пишет такие книги, он ответил, что хочет обеспечить безбедную жизнь двух своих дочерей.

Таким образом, к традиционным объяснениям истоков насилия (врожденная склонность человека к насилию, экономические и социальные особенности условий жизни общества, особенности взаимоотношений конкурирующих групп населения) добавились новые, указывающие на то, что существуют формы насилия, которые не имеют видимых социальных и экономических причин. Эти формы становятся особо значимыми в условиях информационного общества. Анализ показывает, что нередко причиной этих конфликтов становится некая «скрытая» от глаз информация, которая толкает к применению массового насилия. Такая скрытая информация может возникать стихийно, как некий предрассудок, воспринимаемый общественным сознанием как не требующая доказательств истина. Но она может формироваться и вполне целенаправленно и возникать в результате усвоения определенных идеологических постулатов².

Кроме того, на людей действуют не только образы насилия (то есть семантика медиа-текстов), но и специфический «язык вражды», которым

² Скворцов Л.В. Общество и насилие. - "Октябрь", 1997г., № 11.

пользуются СМИ, описывая даже вполне мирные ситуации. Агрессивную реакцию значительной доли населения вызывают сексизм и эротика, отвязный молодежный стеб (сленг), агрессивная реклама.

В средствах массовой информации, современной публицистической и научной литературе в последнее время часто можно встретить термины «зомбирование», «манипулятивные технологии», «психологические операции», «политические кампании» (информационно-пропагандистские, рекламные и т.п.), «комплексные манипуляции», «политические игры», «лоббирование», «кризисные технологии» и т.д.

Речь идет о способах скрытого принуждения личности к определенному поведению. СМИ все более и более становятся не только средством связи, обеспечивающим доступ людей к информации, к различным уровням контактов и общения, но и приобретают черты мощнейшего инструмента формирования сознания, чувств, вкусов, мнений огромных аудиторий людей и инструмента воздействия в желаемом для кого-то духе. В многочисленных политологических и социологических исследованиях западных СМИ установлен непреложный факт: СМИ являются «манипуляторами сознания».

Разумеется, нельзя преувеличивать значение СМИ в продвижении норм агрессивного поведения людей. Многие исследователи считают, что "высокий уровень насилия, характерный для современной кино- и телепродукции, предположительно, наряду с другими факторами, может оказывать свое влияние на осуществление некоторых видов агрессивного поведения, но не следует переоценивать важность этой зависимости" (см. об этом - Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия - СПб., 1998, с. 117). Проще говоря, экранное насилие не является первичной мотивацией агрессивного поведения (в свое время аналогичный вывод на обширном исследовательском материале делал И.С. Кон в отношении порнографии).

Другие исследователи полагают, что реакция на прочитанное, услышанное или увиденное зависит от интерпретации полученного

сообщения. Другими словами, насилие в СМИ может вызвать соответствующие мысли и идеи. В свою очередь, эти мысли могут вызвать конкретные эмоции и поведенческие реакции.

Следовательно, необходимо, чтобы журналисты, определяющие основной набор транслируемых через СМИ образов и суждений, как минимум, были знакомы с современным пониманием проблематики насилия. И совсем было бы хорошо, если бы журналисты понимали свою роль в формировании той среды, в которой все мы живем.